

Ю. М. Шор¹

ДИАЛОГ КАК ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выделение проблемы диалога в культурологическом знании не случайно. Диалог — одна из узловых, базовых категорий гуманитарных наук, выражающих по-своему даже их сущность. Диалог, пользуясь категориальной сеткой академика В. С. Степина, — «культурная универсалия». Категория диалога соотносится с такими понятиями, как «конфликт», «взаимодействие», «творчество». Можно сказать, что диалоговая ситуация — в ядре проблем современной цивилизации, путь к диалогу — задание нашего времени. Наша эпоха — эпоха кризисов, конфликтов, потрясений. Перспективный вектор поисков их разрешения, в сущности, только один: налаживание общения, взаимопонимания, формирование условий для полноценного диалога.

Гносеологическая природа диалога весьма сложна. Основателем его в европейской традиции считается, как известно, Сократ. Диалог у Сократа — не просто путь к истине, итог интеллектуального взаимодействия. Диалогический процесс — сама истина, само взаимодействие голосов, их взаимообогащение, отсечение ошибочных путей, постоянная проверка на прочность. Диалог также предполагает открытость навстречу другой точке зрения, способность и желание понять собеседника, совместно размышлять над противоположными позициями.

Но есть и другая опасность — понять диалог вне его внутренней направленности на истину, в частности истолковать бахтинский полифонизм в духе безразличного плюрализма, равнодушного равноправия различных позиций. Беда философии либерализма в том, что диалог она понимает просто как наличие любых точек зрения, правомерность каждой из них. Безразличная равноправность — ее девиз. Между тем, подлинный диалог — это творческий поиск, который хочет достичь цели, это взаимообогащение, возвышение до понимания точки зрения Другого, развитие, корректировка и, если надо, трансформация своей позиции. В этом пункте диалоговый подход смыкается с деятельностным². Только в активном деянии, в энергетически-процессуальном истолковании диалога осуществляется подлинное взаимодействие голосов, возникает прорыв в пространство творчества. Ибо диалог — это творящее состояние, переживание интеллектуальной возбужденности, постоянно возобновляемой пассионарности.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки теории культуры», «Культура как переживание: (гуманитарность культуры)», «По следам творящего духа: [сборник работ]» и др.

² Деятельностный подход — одно из выдающихся достижений отечественной мысли 1960–1970-х годов. Развивался Э. В. Ильенковым, Г. С. Батищевым, А. Н. Леонтьевым. В настоящее время переживает как бы «второе рождение», прежде всего в трудах академика В. С. Степина.

Все сказанное имеет прямое отношение к российской культуре. Не случайно М. М. Бахтин возник именно на российской почве. В пределе диалог — это открытость миру, творчеству, свободе. Еще со времен Сократа и Платона диалог — это пиршество духа, совместное духовное действие, одновременно и свободное, и обязывающее. Способность к диалогу — относится ли это к личности, нации, государству — это всегда способность быть открытым навстречу окружающему миру, его энергиям и его стихиям, это полноценное внимание миру, ошутимая контактность с ним. Такая открытость всегда была присуща ядру русской культуры.

Говоря о русской культуре, мы имеем в виду не ее наличное состояние, сложное, драматически-противоречивое, не действительный исторический путь России, путь, полный трагедий и ошибок. Речь идет об исходных ценностях культуры и духа, которые ведь тоже реальны, обладают действительным существованием, но сегодня во многом попораны и порушены. Культура, в отличие от общества, — соединение, синтез, нераздельность действительного и должного, наличного состояния и идеала, причем идеал тоже реален, он — наше глубинное, сущностное, потаенное и одновременно зовущее, возвышающее.

Понятая таким образом, русская культура развернута к диалогу, который может рассматриваться как универсальная форма отношения к миру, ко всем его слоям и пластам: к природе, к другим людям, к духовному универсуму. Диалог — ситуация глубинного онтологического общения, подлинная, а не мнимая встреча с Реальностью, обретение живой связи с нею. В контексте этой связи возникает и диалог с самим собой, превращение себя в вопрос, в проблему собственного сознания, то, что Г. С. Батищев называл «проблематизацией самого себя».

Для русской культуры диалог, взаимодействие голосов — важнейшая ее характеристика. Она включает в себя и деяние, и созерцание, и направленность вовне, и вглядывание внутрь себя, и активность, и пассивность. Прежде всего, это диалог человека с природой, так многосторонне отраженный в русском искусстве и православной религии. Природа для отечественной традиции — нечто живое, одухотворенное, наполняющее человека силой, творческой энергетикой. Вспомним природу в творчестве А. С. Пушкина. Для великого русского поэта она и равнодушна и тепла, и объективна и субъективна, и сопричастна человеку и чужда ему. Русское сознание не приемлет однобоко-активистского, утилитарно-прагматического отношения к природе как к «складу сырья, орудий и материалов» (С. Аверинцев). Русская религиозно-философская мысль близка в этом плане идее Мартина Хайдеггера о том, что человек — не хозяин, а «пастух» бытия, его заботливый пастырь. Или вспомним тютчевское:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Отношение к другому человеку для российской традиции — не холодное, бездушное «социальное взаимодействие», а мир понимания и сочувствия, пространство теплой, интимной субъективности, встречающейся с другими субъективностями. Отсюда же — соборность, слияние общения человеческого и Божественного.

Наконец, это диалог человека с высшими духовными потенциями бытия, с Божественными энергиями. Выдающийся современный мыслитель С. С. Хоружий, занимающийся православным исихазмом, подчеркивает, что именно в энергетическом взаимодействии с Абсолютом, в «духовном делании» раскрываются перед человеком высшие смыслы реальности¹.

Диалог с миром (и это принципиально важно!) раскрывается в русской религиозной философии как диалог с тайной, с неизреченным, с непостижимым. Понимание и переживание мира как чуда и тайны, характерное, например, для С. Л. Франка, — важнейшая составляющая русской мысли.

Диалог есть форма взаимодействия с окружающим миром. В теории систем высказывается важная мысль: сложная система может развиваться, изменяться, функционировать только в условиях обмена энергией и информацией с другими системами и с внешней средой. Причем наиболее открытой, уязвимой для воздействия система становится при переходе от одного состояния к другому, эта открытость как раз и создает наиболее благоприятные условия для такого перехода.

В этом плане в высшей степени важен в связи с развитием компьютерных технологий феномен **виртуальной реальности**. Как взаимодействует человек с этой реальностью? Что это дает ему и что отнимает? В чем природа такой реальности? Насколько, наконец, она «реальна»? Глубоко занимающийся этой проблемой С. С. Хоружий отмечает, что нарастают признаки становления нового типа реальности — вариативной, калейдоскопической, подвижной, что мы, видимо, приближаемся к появлению специфического «виртуалистского мировосприятия». Но нельзя не видеть и тенденций, глубоко негативных. Да, несомненно, «расширяются опыт и способности человека — но расширяются они за счет погружения в умаленную и участненную реальность, в сферу минимальной, пороговой событийности и энергетики»². Философ приходит к решающему выводу: «Гипертрофия “виртуалистского мировосприятия”, глобальная трансляция и тиражирование его установок служат, как весьма можно предположить, симптомами энергетического упадка человека и мира — упадка не количественного, а качественного: убыли формо-строительной воли и способности»³.

В опыте же русской культуры, в частности в православном исихазме, как, впрочем, и в других типах мистических практик (в классической йоге, тибетском буддизме, неоплатонической мистике), показывает С. С. Хоружий, имеет место энергетическая полнота взаимодействия с миром, что служит гарантией полноты вступающей в диалог с человеком реальности. В этом — величайшее значение опыта русской культуры, способной выступить в качестве противовеса современной коммерческой, техно-электронной цивилизации.

¹ См.: Хоружий С. С. О старом и новом. СПб., 2000. С. 25–29.

² Хоружий С. С. Указ. соч. С. 349.

³ Там же. С. 349–350.